
Юлия КИМ

КАМНИ, БЕЗДУШНЫЕ

Рассказ

Илья Иванович Потапов всегда мечтал жить медленно. Так медленно, чтобы успевать чувствовать нутром трепет мгновений.

Секундная стрелка часов, длинноногая и прожорливая, как саранча, игнорировалась им начисто, минутная презиралась, а ползучая часовая удовлетворяла хронометрические потребности Ильи Ивановича не в полной мере.

Именно Потапова завораживало почти застывшее для постороннего взгляда движение. Нечто в пучинах Хроноса предназначалось лично нашему герою и явилось причиной его необыкновенной судьбы.

До сорока пяти Потапов по инерции отмазывал год за годом, уныло осознавая, что живет не в своем ритме. Оттого, пожалуй, существование его, в том числе личное и семейное, так и складывалось.

В сорок пять он развелся. Однако обо всем по порядку.

Мать рассказала, что ребенком Илюша был спокойным, созерцательным. Сам себя грудничком Потапов не помнил, но был уверен, что именно тогда жизнь ему удавалась. Потом ее подпортил социум, который в младенчестве тоже присутствовал, но запросто устранился сочными потаповскими воплями.

Детский сад, школа, студенчество и зрелость до сорока пяти прошли, как у всех. Опустим их.

На границе же рокового возраста что-то в Потапове тренькнуло. Мол, хватит, разбазариваешься, пора. Брак его к тому времени существовал лишь формально, и Потапов первым делом прекратил его окончательно, чтобы ничто не нарушало сосредоточенного уединения.

Дабы соблюсти хронологию, самое время сообщить о роде занятий Ильи Ивановича. Был он повелителем цифр, то есть бухгалтером. Работа не являлась делом всей потаповской жизни, но, по крайней мере, не мешала ей осуществляться. Замершие пред величием Ильи Ивановича цифры беспрекословно повиновались, а главное, безмолвствовали. Обходился с ними Потапов нежно, но твердо, как подобает правителю. Пригвозждал, куда следует, взглядом, острым карандашиком или молнией курсора.

Сложнее было с сослуживцами, которые все норовили мельтешишь или вступать в никчемное общение. Однако коллектив оказался хорошим, по-нынешнему — толерантным, и вскоре слился для Ильи Ивановича со спокойным фоном офисных обоев. Коллеги ответили взаимностью, стали воспринимать Потапова как функциональный элемент офиса, требующий особого уважения, поскольку документооборот плавно, абсолютно без сбоев тек через странного бухгалтера. О лучшем отношении Потапов и не мечтал.

Юлия Борисовна Ким, родилась в 1966 году в городе Ирбит Свердловской области. Окончила Орский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Публиковалась в журналах «Русское эхо» (Самара), «Нижний Новгород», «Техника — молодежи», в сборнике «Крымское приключение» (2018). Живет в Москве.

Сотрудники стремились прошмыгнуть мимо плотно занявшего свою нишу Ильи Ивановича, чуя его чуждость. Тот думал о них с сожалением. Мимо, мимо, всю жизнь мимо важного, главного, ценного. Образ важного для самого Потапова скрывался в тумане, как гора Ай-Петри. Возможно, поэтому он надолго застрял в привычном для всех мягком, пухлом облике, прикрытом сверху розовато-пепельной и щетинистой, как бочок поросенка, лысинкой.

Как-то не попадал Илья Иванович в такт с другими.

Никем до сорока пяти лет он не оброс, увяз в одиночестве, как в болоте. Хотя кому болото, а Потапову — самая та среда обитания.

Справедливости ради замечу, что не всегда так было. В мягкой беззлой юности желал Потапов рядом человека, с которым сможет с наслаждением пройти сквозь мгновения, не расплескав понапрасну драгоценностей жизни. Мечтал он найти единение с теплым, женским, самой природой созданным быть медленным и текучим.

Большие надежды, растаявшие, впрочем, в раннем браке, возлагались на первую любовь, невесту, ныне бывшую жену, в то время кроткое существо с опущенными долу ресницами под аккуратной челкой. Невеста, скинув удушающее свадебное платье, расправила перышки, подняла голову. Под ресницами ее засверкала жажда обладания материальным, которого у Потапова особо и не было, а самое страшное — временем, отпущенным Илье Ивановичу.

В итоге получилось, что замедлиться, как мечталось, с кем-то мягким у Потапова не получалось даже в случайном или купленном сексе. Женщины не понимали, чего от них хотят, а жена быстро нашла Илье Ивановичу постельную замену, от чего он с облегчением вздохнул и остался ей благодарен.

Нежность Потапова к живому, в юности, бывало, доводившая моего героя до стыдно-сладких слез, улетучилась со временем, выдохлась, как тонкие духи из неплотно закрученного витиеватого флакона. Внутри осталась пустота. Илья Иванович нырнул в нее с запоздалым сожалением, но все реже, все реже.

До сорока пяти пробовал он еще время от времени трепетное, женское и тянулся иногда душой к особям своего пола за дружеским теплом, но напрасно, не находя понимания. После сорока пяти — как отрезало.

Грустная истина была в том, что другие люди сбивали Потапова с его ритма.

Вернемся к разводу, после которого все и началось, точно выжидало мироздание, когда Потапов одумается и обеспечит себя одиночеством. Отдал Илья Иванович без сожаления жене, в качестве компенсации за загубленную молодость ее, все нажитое и перебрался налегке в коммуналку с крутыми сводами, доставшуюся ему в наследство от умершей недавно одинокой тетушки. Территория, отгороженная от бешеных пульсаций мира шестью плоскостями, устроила Потапова до такой степени, что даже ремонт сделать он не посчитал нужным. Ржавые подтеки по углам, глубокие трещины на потолке и колоритное пятно от гигантского утюга на стертом до белесости линолеуме нисколько его не смущали, напротив, придавали жилищу хронологической весомости. Соседи Илье Ивановичу достались колоритные, достойные отдельного рассказа, но, слава богу, неназойливые. Чаще всего они просто отсутствовали в квартире или в стандартной действительности. Находясь в офисе, Потапов представлял, как вечером по извилистым, сумеречным коридорам попадет в пространство, заполненное только его воздухом, и проведет в нем медленное время до самого утра.

Почетное место в жилище занимала кровать. Досталась она Потапову от той же покойной старушки, по конструкции напоминала слоеный пирог, поскольку была заполнена таким количеством тюфяков, матрасов, одеял, что походила в итоге на постамент. Кровать сразу понравилась Илье Ивановичу, менять в ней он ничего не стал, не

попытался даже добраться до ее дна, лишь переместил из угла в центр комнаты. На постаменте Потапов и замедлялся в объятиях ласкового Морфея или величественного Хроноса.

И если у самого Ильи Ивановича никогда не возникало желания объяснять кому-либо, что он есть, то я совсем не хочу, чтобы вы поняли что-нибудь из моего рассказа о нем превратно.

Ленив он не был. Аккуратен был. Дело свое знал. Оставшуюся от него жизнь не разбазаривал.

Если вы поняли, что Потапов оглянется вдруг вокруг и удивится, к чему вся эта суета, как не к созданию новой суеты, и так по кругу, по кругу, как крысиные бега... Если вы поняли меня именно так, то вы ничего не поняли про Илью Ивановича. Плевать ему было на суету и круговые забеги.

Не так, как другие, ощущал он движение жизни в себе и вокруг.

Ему всегда казалось, а позже это переросло в уверенность, что существовать нужно в глубь времени, а не пытаться растянуть его вширь до бесконечности, как резиновый эспандер, который, порвавшись в итоге, с громким всхлипом хлопнет по беззащитному телу и заставит его съежиться на какое-то время, а может статься, и навсегда.

Илье Ивановичу было знакомо ощущение, когда зрачки расширяются до бездны, в которую ныряешь, ныряешь, ныряешь...

Нет, нет, что вы, даже не думайте, он не употреблял, не кололся и не нюхал. В мыслях не было. Илья Иванович не бегал от жизни, тем более столь сомнительным способом. Он зрил в ее корень, вслушивался в пучины времени запросто, как в себя.

Когда Илья Иванович глубоко, протяжно вздыхал, настраиваясь на медленную растянутую волну, мир отстранялся, оставался один Потапов, который вырастал из маленького, кругленького размера и глыбой повисал над земной красотой...

Жил бы Илья Иванович спокойно, в окружении кротких цифр, если бы не офисная активистка Финогеева, возрастная фея льготных путевок и прочих улучшений жизни и здоровья. Беспокойство Потапову от нее было маленькое, не больше чем от надоедливой мухи, и не стала бы я упоминать о Финогеевой в этом печальном рассказе, если бы не некоторое участие ее в дальнейшей судьбе Ильи Ивановича.

Скорее всего, это все равно бы произошло. Просто активистка стала личным потаповским катализатором.

Жила она в среднестатистическом темпе. Одежду носила разных оттенков красного. Откуда она такая, деятельная, только взялась?

Женщиной Финогеева была миниатюрной, даже Потапову едва до плеча доставала, но нехватка нескольких сантиметров тела с лихвой компенсировалась повышенной социальной активностью. Финогеева была убеждена, что коллектив должен быть сплочен, и сплочен именно ею путем культурно-массовых мероприятий. На очередном, объявление о котором Потапов воспринял с глубокой тоской, все и началось.

Пришлось долго трястись на автобусе, от чего тошнило, да еще и пели все хором, выдергивая Потапова громкостью звуков в общее веселье из спасительного забвения.

Однако когда прибыли на место, Потапов замер от восхищения.

* * *

Откуда здесь взялся каменный лес, никто толком не знал. Причудливых форм глыбы, округлые и пупырчатые, повылазили на солнышко, растолкав твердыми плечами вековые сосны. «Наука, — сказал группе проводник, — грешит на ледник, который якобы и притащил карельскую природу на волжские берега». Однако территорию камен-

ного леса благополучно окружала банальная среднерусская природа. Не по воздуху же ледник переместил булыжники... Хотя версия про воздух показалась Потапову правдоподобной. Казалось, именно оттуда случился беспощадный камнепад, примявший к земле деревья, словно былинки. Возникал вопрос: откуда конкретно и в результате чего камни попадали? Ответ отсутствовал. Оставалось рассказывать сказки, что и делал проводник, налаживая контакт с группой подвижными прозрачными глазками, похозяйски похлопывая глыбы ладонью и ковыряясь в каменных трещинах нечищеным ногтем.

Проводник поведал, что места эти овеяны легендами, камням приписываются магические свойства, темная сила. Говорят, люди здесь пропадают. (Меньше чем через час Потапов вспомнит последние слова.)

Якобы посетили этот клочок суши великаны, а может, и отпрыски великанов, как же им без детства, и разбросали, может специально, может по небрежности, то ли игрушки, то ли нечто более практичное. Для подтверждения гипотезы восторженно внимающей группе предлагалось разглядеть в скоплениях камней фигуры огромных людей. Экскурсанты, веселясь, мучили фантазию.

Потапова великаны не впечатлили. Все происходило неправильно.

Подогретая проводником группа принялась одушевлять все встречное. Типа, этот валун похож на спящего человека, та скала — на льва, булыжник — на лисичку. Потапов одиноко страдал. Разве мыслимо сравнивать то, вековое, с тленным? Напрашивалось сравнение наоборот — светлых людей с безмолвными исполинами, ведь камни первичны.

Что за свойство у человека, прости господи, раздраженно думал Потапов, все равнять по себе, неуместно приписывая человеческие качества всему подряд, да еще с уничижительными интонациями. «Смотрите, смотрите, собачка какает ну совсем как маленький ребенок». Да как собака она срет, оставьте ее в покое со своей манерой величия.

Товарищи Потапова разбрелись по лесу, фотографируя себя, венцов творения, на ее фоне. Ах, какая красота, какая первозданность! Вульгарность происходящего нервировала Потапова, ему было неловко за людей. Мысленно Илья Иванович неуклюже оправдывался перед природой.

Она же мощно и неспешно стояла на своем, взирая сверху вниз на теплых, смертных, забавно, самоуверенно шелестящих, уступающих камням в поединке за вечность.

А еще Потапов страдал от плотского. Тело его вело себя в лесу совсем не так, как представлялось Илье Ивановичу накануне поездки. Думал он, что от лесного воздуха пепельная кожа его порозовеет и будет он бодрым козликом весело скакать по камням. На деле козлика из него не вышло, кожа осталась серой, вдобавок заблестела от пота и кожного сала. Таскать себя по природе оказалось тяжело. Кроссовки, приобретенные давно, по случаю, ненашенные и непривычные ногам, елозили по круглым камням, тщетно ища устойчивости. Потапов неловко взмахивал руками и заваливался, переламываясь в поясище, назад, рискуя рухнуть затылком на булыжники с высоты своего роста.

Местность была холмистая. С крутых горок приходилось под прибаутки проводника съезжать на пятой точке, чертыхаясь в досаде от неприспособленности своего тела для неровной местности и от унижения. Краешком сознания, чудом оставшимся в этом кошмаре потаповским, Илья Иванович жалел об упущенных выходных и с тоской вспоминал прохладу и покой своей кельи.

Все случилось в каменном лабиринте. Сквозь пелену усталости просочились его флюиды, в чем-то созвучные натуре Ильи Ивановича. После стыдных страданий ему безумно захотелось остаться в лабиринте одному.

Строго говоря, не лабиринт это был вовсе, а так, нагромождение камней в человеческий рост и выше. Усталый проводник объявил группе свободное время, а сам остался наверху. Народ рванул внутрь.

Сначала шли гуськом, всматривались в прохладную тьму многочисленных впадин, гротов, пещер, дивились сюрреалистическим формам, налетали друг на друга. Потом лабиринт разветвился, и все разбелось.

Потапов шагал вперед, надежно прикрытый с боков от простора мира каменными сводами, натертыми до гладкости природными явлениями. Время от времени он поднимал голову, чтобы полюбоваться синьей атмосферы. Коллеги обгоняли его или шли навстречу, пресытившись каменными видами, но общением не докучали. На Потапова снизошел покой. Всегда бы так.

Почему он свернул с тропинки именно к этому гроту, Илья Иванович не помнил. Он пригнулся, нырнул вниз, там оказалось, что можно спуститься еще глубже, туда, куда не дотягивался дневной свет. Глаза быстро привыкли к темноте. Внутри оказалось удивительно просторно. Потапов распрямился в полный рост. Было холодно, пахло мхом и сырой землей.

Не видимый никому, Илья Иванович позволил себе до предела замедлиться и побрел на ощупь, касаясь шершавых твердых стен, впитывая ладонями холодную умершую древность. Вдруг он почувствовал, что кто-то мягко и ненавязчиво, словно извиняясь, присоединился к его замедлению. Потапов оглянулся на выход из пещеры, и тогда внешний мир странным образом ускорился, а потом и вовсе свернулся в сплошную белую, ускользящую от внимания Ильи Ивановича ленту. Однако постороннее присутствие было не там, не снаружи, а здесь, в глубине, в двух шагах от Потапова.

Там, где только что была каменная мертвечина, словно включили отопление.

Ладони Потапова становилось все теплее. Тьма редела. Илья Иванович положил на каменный выступ обе руки, а потом и вовсе обнял его. Пуговица на рубашке отвалилась, цокнула по твердому. Живот Потапова оголился и плотно лег на глыбу. В живот заструилось чужое тепло...

Вдруг Потапов услышал вздох. Не свой. Свое дыхание Илья Иванович затаил, чтобы тоньше чувствовать происходящее. Вздох был, глухим, низким. Потапову послышались в нем удовлетворение и грусть от недавно пережитого. Вздох длился долго, к завершению его Потапов уже не сомневался, что под руками и животом — живое. Тем временем живое стало мягким, как губка, и мой герой услышал рядом стук каменного сердца.

Илья Иванович слушал, и внутри его разворачивалось единение с тем, кто оказался не мертвым.

Потапов готов был уже остаться здесь, пропасть для всех и обрести себя. Только он собрался заговорить с незнакомцем, только стал аккуратно подбирать слова, мусоля их во рту и обкатывая языком, как монпансье, только до него издалека, из самых глубин подсознания, запертых от бранных, очень-очень медленно стало что-то доходить, как все испортила Финогеева.

На выходе замаячило багровое. Потапов отвлекся, расфокусировался. Время беспощадно ускорилось и выдернуло его наружу. Что тут скажешь, у активистки было исключительное чутье на немассовость.

— Что с вами, Илья Иванович? — Рука ее без спросу взялась за Потапова и тут же отдернулась. — Илья Иванович, вы весь холодный. Вам здесь вредно, вам нужно в тепло.

Финогеева вновь бесстрашно взяла Потапова за руку и потащила на поверхность спасать солнцем.

Возможно, правильно она сделала. Возможно, внизу подцепил он то самое, к чему предрасположенность имел всегда и отчего признали его своим нелюди.

Возле багровой реальной Финогеевой Потапов подумал было, что все произошедшее ему примерещилось. Однако подозрение и еще что-то в нем уже зародилось.

Весь следующий день, выпавший на воскресенье, Илья Иванович провел дома в невнятной тревоге. Вчерашние события медленно переваривались потаповским разумом и постепенно списывались на опьянение от свежего воздуха и жару.

Он было задремал, успокоившись, как вдруг кто-то сказал в его голове голосом проводника что-то про душу камней. Слова, бултыхающиеся в подчищенном выходным днем потаповском разуме, внезапно приобрели новый смысл. Илья Иванович, скатившись с перин, рванул к Интернету.

Камни дышат? Душа камней? Камни живые?

«Камни появились в древнейшие времена творения и впитали в себя всю историю». Важно, но не то.

Вот оно!

«Двое французских геологов-исследователей Арнольд Решар и Пьер Эсколье долго и тщательно изучали образцы пород, взятые в разных точках земного шара, и выяснили, что камни обладают подобием процессов жизнедеятельности, только очень медленных.

Оказывается, структура камня способна меняться, они бывают старые и молодые. Более того — они словно дышат. Правда, на один вдох у них уходит около трех дней, а на выдох около двух. А каждый удар сердца длится около суток...»

Далее осторожным бюрократическим языком с множеством оговорок рассказывалось, как два упрямых заграничных парня годами докапывались до истины.

После того как приборы зафиксировали в камнях еле уловимую пульсацию, Арнольд и Пьер вели наблюдение за ее частотой и систематически взвешивали камни.

Потапов представил, как желчно издевались над ними коллеги, ощутил колкость насмешек и мерзость безденежья. Кто же возьмется финансировать подобную ерунду? И симпатия к людям, давно покинувшая сердце Ильи Ивановича, посетила его вновь.

Потапову стало стыдно своего намерения растворить в эфире будничности вчерашнее происшествие. Он лихо поставил на дыбы хлипкий тетушкин стул, чуть не опрокинулся вместе с ним навзничь, но вовремя поймал равновесие: «Не-е-ет, шутите, не померещилось...»

Илья Иванович даже пригрозил кому-то пухлым пальцем. Возможно, невиноватой Финогеевой.

Засыпая, он старался дышать как можно медленнее и мечтательно шептал: «Вдох — три дня, выдох — два...»

* * *

Второй раз странность случилась с Потаповым не скоро, месяцев через шесть, в Государственном Эрмитаже.

Илья Иванович подозревал, что текучесть офисных кадров, не то чтобы фатальная, но все же заметная, брала истоки от симбиоза тяги Финогеевой к прекрасному и ее же страсти к коллективному. Робкие попытки сопротивления коллег приобщению к тому или другому воспринимались ею крайне болезненно и грозили непокорным анафемой по общественной линии с перспективой лишения корпоративных благ.

Финогеева была убеждена в необходимости окультуривания ближних и взывала к сознательности.

Мол, стыдно, проживая в Северной столице, досконально не знать Эрмитажа. Для достижения доскональности следовало осматривать его частями, а для оптимизации охвата — массово.

Возражать считалось стыдным, поскольку Эрмитаж — святыня, практически культовое явление. Проще было кинуть долю своего выходного на жернова искусства.

В тот день досмотру подвергались греко-римские залы.

Искусствовед, высохшая, тихая, как осенний лист, старушка, кутаясь в пыльную шаль, с философским спокойствием знакомила группу с торжественно выставленной напоказ античной каменной плотью.

Обилие вечной обнаженки ничуть не смущало женщину. Впрочем, похоже, на фоне приближающейся вечности ее ничто уже не способно было смутить.

Рядом с Аполлонами Потапов чувствовал себя шарообразным, которому не помешало бы придать твердости и мудрой рукой скульптора сколоть лишнее.

Старушка зашелестела про самых знаменитых Венер-Афродит Эрмитажа и мягко притормозила группу возле Венеры Таврической.

Финогеева жестами и взглядами призывала коллег в упор разглядывать обнаженную Венеру.

Плоский живот с глубоким пупком, лысый лобок, ноги со слишком крупными пальцами, юную грудь в пятнах времени, как в веснушках. Венера отворачивалась от бесстыжей толпы. Она глядела в сторону. Мягко сомкнутые губы, плавные изгибы стана. Ей даже нечем было прикрыться, руки потерялись где-то в веках.

Потапову стало стыдно за группу и по-доброму жалко Венеру Таврическую. Как, однако, погано ей здесь!

Он незаметно полюбовался пухлым лобком, щечкой и решил оторваться от товарищей.

Илья Иванович захотел скрыться в интимности с какой-нибудь Венерой-Афродитой. Раз их здесь так много, то найдется для него одна, та, которую не облапывают сейчас нескромные взгляды.

«Камень словно дышит», — удаляясь на цыпочках, услышал Потапов шелестящий голос, и внутри его что-то щелкнуло.

Чтобы успокоиться, Илья Иванович решил занять мозг привычным образом и принялся считать, бродя по залам и подглядывая в путеводитель, эрмитажных Венер-Афродит. Были они выбраны им для счета как символ приобщения к прекрасному, поскольку перед Финогеевой все же было неудобно за побег.

В путеводителе Венер оказалось не меньше, чем эрмитажных кошек.

Потапов нашел уже с десяток, когда набрел на нее, купающуюся.

Она, склонив голову, на корточках сидела у окна. Вокруг не было никого, лишь мраморный Эрот маячил за Афродитиной белой спиной. Смотреть на купальщицу было не стыдно. Она находилась здесь не напоказ, как Венера Таврическая, а просто занималась своим веселым делом. Потапов подошел вплотную, просто как мог когда-то в далекой юности запросто подойти к красивой девушке на пляже, залюбовался ею, настоящей, без одежды, макияжа, лишнего веса, целлюлита и неожиданно для себя вдруг задумчиво положил руку Афродите на бедро.

Тут что-то всколыхнулось в воздухе, и внешний мир, оставшийся на периферии, ускорился, а затем, слившись всеми своими предметами в сплошную белую ленту, исчез. Ладони стало тепло.

Афродита грациозно разогнула мраморную шею, весело поглядела на потаповскую длань на своем бедре, кожа под ней примялась и стала совсем горячей и розовой. Афродита подмигнула Илье Ивановичу и пригрозила пальчиком с коротко остриженным ноготком.

Морская волна обдала божественную девушку с ног до головы, проигнорировав Потапова. Он краснел, но руку с мокрого тела Афродиты не убирал.

Оглядевшись, Илья Иванович обнаружил вокруг другие статуи. Они подавали признаки жизни и даже разговаривали.

Отовсюду слышались смех, шепот, шелест. Неужели это он вдохнул душу в камень? Только Потапов так подумал, как Афродита заколыхалась от веселья.

— Смешно, они мнят себя хозяевами планеты, сосудами для души. Какой бред! Мы есть, были и будем сутью Земли.

— Мы основа основ, мы опора и твердыня, — угрожающе зашуршало вокруг.

— Тоже мне — боги. Слизь у наших ног, — горячо прошептал кто-то прямо в затылок Илье Ивановичу. — Наши души повсюду...

— Слизняки — разнеслось по залу.

— Однако, — тихо начала Афродита и все вокруг тотчас смолкло. — Однако, иногда встречаются среди них наши. К примеру, Потапов.

Афродита нежно уткнула в него белый пальчик.

— Наш — дружелюбно зашелестело вокруг

Стоя с пальцем внутри и с рукой на бедре Афродиты, Потапов чувствовал, как блаженно каменеет.

Тут мелькнуло красное. Мой герой сразу понял, что это. Реальность вдавилась в его новую жизнь, а Афродита замерла и опустила взгляд долу. Рядом с ней дерзко нарисовалась Финогеева. И почему она всегда не вовремя? Проклятая красная кофта!

Финогеева застучала Потапова с бедром Афродиты в руке. Группа чуть поотстала, внимая шелесту старушки. Финогеева громким шепотом закричала на Потапова. Мол, Потапов, вы что, сбрендили? Мол, немедленно уберите руку с экспоната, он непременно испортится от вашей микробной потной ладони.

Потом активистка заметила, что бухгалтер вроде как не в себе, и поспешила его спасать.

На этот раз все списали на жару в сочетании с лишним весом Потапова. Чай, не Аполлон! В залах в тот день действительно было не по-эрмитажному душно.

— Камни несут в себе необъяснимую энергию и силу, — продолжала старушка, туманным взором вручая Илью Ивановича Финогеевой. — Посмотрите, как художнику удалось вдохнуть жизнь в мертвый камень, — искусствоведша указала на купающуюся Афродиту.

«Хм, жизнь в мертвый камень, — усмехнулся Потапов, сидя на скамье с противно мокрым носовым платком на лбу, прижимая ладонь с Афродитиным теплом к своей щеке. — Это еще надо разобраться, кто мертвее сейчас — камень или художник», — зло подумал Илья Иванович и поплелся дальше по эрмитажным залам под бдительным присмотром Финогеевой.

Домой он возвратился смурной. Ночью в эротическом сне, умолчим из скромности про его содержание, к Илье Ивановичу явились Афродиты, а по пробуждении примерещились по углам комнаты шевелящиеся конечности статуй. Весь день Потапов пугливо оборачивался, но, слава богу, ничего такого за спиной не обнаруживал. А еще он внимательно прислушивался к себе. Что-то странное и сладкое происходило в нем после контакта с каменным бедром.

* * *

Бог троицу любит. Дьявол ее обожает. Решающий третий раз настал для Потапова через пару месяцев.

До этого были цветочки, а тут действительно — началось. С ним вступил в контакт сам солнце нашей поэзии, Александр Сергеевич, в камне.

Илья Иванович имел привычку после работы заходить в Пушкинский сквер, что на одноименной улице.

Вокруг бурлила городская жизнь, а за чугунной оградой был свой микроклимат, возвышающий и слегка отдающий глубокой стариной.

Здесь Потапов мог позволить себе замедлиться до возможной степени и насладиться тягучей паузой.

Илья Иванович присел на лавочку, удобно принявшую уставший от поддержки Потапова позвоночник, и устремил рассеянный взгляд на памятник.

Именно этот каменный Пушкин, взбешенный словоблудием вечно нетрезвых по причине вдохновения отцов-основателей русского рока, по их же словам, указал перстом на только что расселенный дом на Пушкинской, 10: «Идите, забирайте и создайте же свое новое искусство, довольно вам ныть».

Александр Сергеевич на постаменте, чересчур громоздском для поджарого, легкого на подъем при жизни поэта, стоял со скрещенными на груди руками, придерживая книжный томик под мышкой, серьезный, даже сердитый.

Как же ему скучно нести бремя славы посреди губительной суеты. Как скучно, как тоскливо...

Каменный Пушкин выпрямил руку и указал пальцем вдаль. Долго в такой позе простоять он не смог. Каменная книга стала соскальзывать из подмышки Александра Сергеевича. Он присел, ловко подхватил том и принял прежнее положение.

Потапов моментально очумел и ускорился. Так быстро он не двигался с мальчишеских времен. Бежал вслепую. Вскинутая рука поэта и палец его, прямой, с жесткими узелками суставов и отполированным ногтем, маячил пред мысленным взором всю дорогу домой.

У себя, отдышавшись, Илья Иванович путем сложных компьютерных манипуляций и гугл-карт наложил длань Александра Сергеевича на местность Санкт-Петербурга. Длань легла поверх улиц, переулков, каналов, мостов и уперлась завершением идеального пушкинского ногтя в неказистое здание.

Где-то в ином временно-пространственном измерении Пушкин с маникюрной пилочкой в сухопарой ладони, закинув ногу на ногу и склонив озорную курчавую голову к красе своих ногтей, тихонечко хихикал.

Палец поэта уперся в урологическую клинику «Слон», прямо в ее стыдное нутро.

Потапов плюнул и отправил изображение с экрана в корзину, ибо не ведал дальнейшей судьбы своей.

* * *

Еще через пару месяцев с телом Потапова стало неладно.

Болел он редко, точно застыло все в нем в состоянии практического здоровья. Ни туда ни сюда.

Надо было бы, конечно, собой заняться. Лишний вес, дряблость мышц, постоянные обещания себе исправиться. Но жил и жил Потапов, как привык, не тренированный с юности.

А тут вдруг нижняя часть его утяжелилась и стала тянуть Илью Ивановича вниз.

Тупыми болями присоединилась поясница, да еще и резь при мочеиспускании добавилась. Любой другой давно бы понял, что это почки, но Потапов верил в свое телесное постоянство, крихтел, пыхтел, но к докторам не шел.

Однажды, прямо посреди рабочего дня, скрутило его так, что аж согнулся он напололам. Перепуганные коллеги вызвали «скорую» для непонятого Потапова. Обезболенный, в карете «скорой помощи», на кушетке, покрытой холодной клеенкой, он вдыхал запах медикаментов и чувствовал, как переходит в статус больного.

Врачи обнаружили в почках камни. Начались мытарства.

Камни в Потапове оказались заковыристыми. Поначалу доктора пытались травить их медикаментами и дробить ультразвуком.

Потапов наблюдал за лицом узиста. Тот пытался засечь на экране, в мутных колыханиях потаповских внутренностей, чужеродное, чтобы обрушить на него ультразвуковой удар, чтобы измельчить и обессилить камни. Предполагалось, что тогда они сами покинут Илью Ивановича. Камни от узиста ускользали и прятались неизвестно где в недрах потаповского организма.

Узист морщился, обиженно двигал бровями и щеками, становился похож на грустного ребенка, а в Потапове вопреки здравому смыслу вызревала гордость своей исключительностью.

Илья Иванович, видя напрасные старания докторов, сам стал изучать вопрос.

Камни в человеческих организмах зарождались с песчинок. Потапов вспомнил белый с черными вкраплениями, словно звездное небо наизнанку, песок на пляже. Пересыпаешь, бывало, его в ладонях, как в песочных часах, и время вокруг притормаживает.

Народившиеся песчинки наполнялись мокрым содержимым нутра Потапова, тяжелели, кучковались и образовывали породу. Порода, породистый, — твердил Потапов.

Окончательная причина формирования камней до конца не выяснена — утверждала наука, и Илья Иванович таинственно щурился. Чего уж греха таить, что-то в нем вместе с болезнью зарождалось такое, от чего совсем не хотелось избавляться.

А вот доктора оказались категоричны — резать, и немедленно. И то правда, камни в благоприятном для них внутреннем мире Потапова росли как грибы и грозили заполнить собой Илью Ивановича.

Потапов послушно сдал анализы, подписал все необходимые для хирургического вмешательства бумаги, но в назначенный день в клинику не явился, предприняв хитрый маневр. Позвонил, выждав положенное для операции и действия наркоза время, на службу, слабым голосом доложил, что все прошло благополучно, а теперь ему нужен покой, исходя из законодательного права на больничный, а сам основательно разместился на высоком ложе, замедлился до предела и стал наблюдать за своими внутренними процессами.

Тишина стояла гробовая, никто ему не мешал, даже на кухне сковородки не гремели, точно тоже пребывали в ожидании.

Сначала ничего не происходило, Илья Иванович просто лежал. Мгновения разворачивались одно за другим. Время просачивалось сквозь него, словно сканируя. Он было задремал, как вдруг понял, что ощущает в себе, до того мягком, основу.

Основа заполняла его чрево, росла, громыхала, перекатывалась и приятно тянула Потапова к земле. Основа дышала, соблазняя остальную потаповскую плоть стать ею.

Илья Иванович с нетерпением ждал, что будет дальше. Между тем картина его внутреннего мира прояснялась.

Сквозь рассеивающийся туман он вглядывался глубже и глубже в себя, точно в бездну, долго-долго вглядывался, пока не достиг перевозданности.

Илья Иванович Потапов сравнялся глубиной с недрами земли, а через них — с космосом. Он, зародившийся из песчинки, стал твердыней, впитавшей века, и с усмешкой взирал на человеческий мир, вознамерившийся раздробить его душу.

Наконец-то Потапов мог позволить себе жить медленно. Очень медленно.

* * *

Нетрудоспособность Потапова по всем мыслимым подсчетам должна была уже прекратиться, но к работе он не приступил, на телефонные звонки не отзывался. Тогда по месту жительства Ильи Ивановича от коллектива направилась Финогеева.

Дверь в квартиру была распахнута, как для проветривания, на визитершу дохнуло прошлым. Она поморщилась, для порядка постучала о косяк и, пройдя через кишкообразную прихожую, оказалась в безлюдной кухне. В кухне обитал дух вчерашнего борща и свежего перегара. Финогеева преодолела препятствие в виде откровенно развешанного на обвисших капроновых веревках белья и попала в длинный, слабо освещенный коридор с дверьми по обе стороны. Человеческой жизнедеятельности слышно не было. Лишь дощатый пол скрипел под ногами активистки, как обиженный кот, да на каждый ее шаг отзывалось развешанное по стенам имущество: звонкие тазы и корыта, глухие медные емкости для изготовления варенья, прочие, непонятного назначения, железяки. Велосипеды, взрослые и детские, подтягивались к звуковому сопровождению передвижения гости неуверенными подзвываниями.

Она прошла коридор до середины и от отсутствия информации постучала в первую попавшуюся дверь. Мгновенно, точно ждала визита, дверь открыла босая баба с выраженными рельефами на лице и покрасневшими веками. В ответ на вопрос о Потапове она молча, плавным аристократическим движением пальца снизу вверх указала на нишу в темном закутке, не замеченную было Финогеевой. Потаповская дверь была обита советским дерматином, из-под которого тут и там торчали крупные гвозди и пожелтевшие клочки ваты. Сквозь обивку стучалось глухо, и активистка пару раз приложила кулачком к деревянному косяку. Звук все равно не получился, зато в палец впиалась коварная заноза. Финогеева ее выдернула. На месте занозы на пальце вздулась густая багровая капля, слизывать которую женщина побрезговала, вытерла кровь о свой бок и потянула дверь на себя. Она открылась.

Финогеева увидела на уровне глаз ступни в бывших когда-то нежно-розовыми носках. Неровности ступней обращались к ней укоризненно. Мол, проворонила ты, активистка Финогеева, своего товарища. За ступнями возвышался холм неподвижного живота.

Финогеева обошла его справа. Напротив ступней серел каменный профиль Потапова. Профиль, казалось, успел запылиться от долгой неподвижности, и активистке захотелось обмахнуть его салфеткой. Тонкие, слезавшиеся в складки веки прикрывали неподвижные глазные яблоки Ильи Ивановича.

Финогеева отошла в угол и оглядела композицию со стороны.

Она была настолько безжизненна, что гостя лишь для порядка боязливо приблизилась, приложила пальцы к шее Потапова, отчего следующая алая капля крови Финогеевой скатилась на мертвую кожу Ильи Ивановича. Ничего, кроме холода, активистка не почувствовала и, ежась от случившейся неприятности, набрала неотложку.

Что делать дальше, было непонятно. Женщина огляделась, обнаружила в углу колченогий стул, подтянула его к ложу усопшего и присела у изголовья. О покойном следовало думать хорошо.

Бедный, бедный Илья Иванович. Умер в одиночестве.

Дверь затворилась, изолировав Финогееву от реальности. Стало жутко.

В качестве опоры она обхватила ладонями сиденье стула и стала усиленно вспоминать хорошее про Потапова. Неотложка не торопилась.

Финогеева, живая, заботливая душа, до самого конца сидела возле бывшего Ильи Ивановича. На стене бесшумно шевелили стрелками старинные часы.

На шестнадцатой минуте ожидания Финогеева, стремясь инстинктивно отодвинуть наползающий со стороны каменной глыбы ужас, полезла было в соцсети, но одернула себя.

На тридцать первой минуте ей, малодушной, захотелось убежать отсюда хотя бы под предлогом встретить «скорую». Финогеева усидела на стуле.

На сорок пятой минуте, когда ждать стало совсем нестерпимо, воздух в комнате сгустился, охладился до могильного, а неотложка все не ехала, Илья Иванович Потапов медленно, глубоко, грудью и животом вздохнул, да так и замер, удержав внутри стылый воздух.